

6. Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке. Античные теории языка и стиля / И. М. Тронский. – Москва – Ленинград, 1936. – 344 с.
7. Федотов О. И. Основы теории литературы : в 2 ч. / О. И. Федотов. – Москва, 2003. – Ч. 1. – 272 с.

References

1. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. – Moscow, Drofa, 2000. – 1233 p.
2. Losev A. F. Istorija antichnoj jestetiki. Aristotel' i pozdnjaja klassika. – Moscow, 1976. – 880 p.
3. Marks K., Jengel's F. Izbrannye sochinenija : v 9 t. – Moscow, Politizdat, 1985. – T. 2. – 668 p.
4. Pahsar'jan N. T. Istorija zarubezhnoj literatury XVII–XVIII vv. – Moscow, 2001. – 103 p.
5. Tomashevskij B. V. Teorii literatury. Pojetika. – Moscow, 2003. – 334 p.
6. Tronskij I. M. Problemy jazyka v antichnoj nauke. Antichnye teorii jazyka i stilja. – Moscow – Leningrad, 1936. – 344 p.
7. Fedotov O. I. Osnovy teorii literatury : v 2 ch. – Moscow, 2003. – Ch. 1. – 272 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ: АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И ПРАГМАТИКА

Дзедисова Жанна Валерьевна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46, e-mail: mayfower.08@mail.ru.

Статья посвящена письму как лингвокультурному феномену. Письмо есть форма письменной речи, требующая дополнительных компетенций в сфере семиозиса, направленного от вербализованной в речи мысли к письменному тексту. Деятельность коммуникантов актуализирует необходимость тщательного выбора средств выражения, соблюдения грамматических правил и традиционных формальных и содержательных признаков, присущих конкретной лингвокультуре.

Ключевые слова: знак, коммуникативная интенция, письмо, символ, семиозис, стереотип, эмоциональность, экспрессивность, эпистолярный жанр

LINGVOCULTURAL PHENOMENON OF PRIVATE CORRESPONDENCE: ANTHROPOCENTRISM AND PRAGMATICS

Dzhebisoja Janna V., postgraduate student, North Ossetian State University of K.L. Khetagurov, Russia, Republic Northern Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vatutin St., 44–46, e-mail: mayfower.08@mail.ru.

The article is devoted to writing, as Lingvocultural phenomenon. Letter writing is a form that requires additional competencies in the field of semiosis, directed by verbalized thoughts in a speech to written text. Communicants activity actualizes the need for careful selection of means of expression, respect for the rules of grammar and traditional formal and meaningful features inherent in a particular lingvokulture.

Keywords: sign, communicative intention, letter, symbol, simeozis, steoretip, emotion, expression, epistolary genre

«Эпистолярная литература» – более широкий термин по отношению к письму, фактически это переписка, воспринимаемая широкой читательской публикой как публицистический или художественный текст вследствие её изначального замысла либо развития её репутации в ходе литературного процесса. Как один из древнейших жанров словесности эпистолярный жанр позволяет не только воссоздать систему взаимоотношений личности с миром, но и подвергнуть реконструктивным операциям материаль-

но-пространственное и историческое пространство. Жанр письма не имеет заданных координат ввиду возникновения и функционирования в пограничной зоне сфер личной и общественной жизни. Фиксируя в тексте бытовой материал, письмо способствует моделированию представлений о частной жизни и повседневности, о типах поведения, коммуникативных особенностях той или иной эпохи, что позволяет декодировать определённые ею культурные смыслы. Кроме того, жанр письма обуславливает помещение человека в сложную систему социокультурных координат, конструируя тем самым культуру личности и культуру социума. Рефлексивный компонент, составляющий основу жанра письма, детерминирует его отнесённость, наряду с дневниками либо мемуарами, к так называемым «эго-текстам», что определяет онтологический статус эпистолярного жанра в лингвистической парадигме: письмо представляет собой текст, который находится на границе устного высказывания и письменной речи. Письмо подобно дневнику, который представляет собой «не текст, а "речь" (что-то вроде устной речи, записанной с помощью особого кода)» [1, с. 258].

Каноны жанра частного письма складывались исторически, оформившись в целостную систему дифференциальных и интегральных признаков, среди которых особо следует выделить свободный стиль, разговорную лексику, доверительность интонации, повышенную эмоциональность и направленность на адресата. Данные признаки формируют лингвокогнитивный и лингвориторический потенциал текста частного письма, реализуемый в аллюзиях, частной полемике, интимных обращениях и риторических вопросах. Реальность фактически выступает в качестве содержательной структуры письма, которая интерпретируется автором, наделяющим её субъективной значимостью: так из единичного факта возникает целостное представление. Язык рукописных писем сходен с литературным, но не тождественен ему, и главным образом различие это заключается в таком нюансе, как «личность»: рукописное письмо всегда личностно ориентировано, что всегда эксплицировано в его тексте, создавая, тем самым, индивидуальную эмоциональность и экспрессивность. В то же время художественный текст адресован всем и каждому, именно поэтому его адресат «рассеян», что относится также и к жанру эпистолярного романа. Условная моноличность письма обусловлена частичной включённостью адресата в контекст. Именно этот аспект позволяет квалифицировать письмо, внешне представляющее собой монолог, как диалогическое высказывание, которое в качестве облигаторного признака содержит собеседника – Другого. Личная позиция автора письма определяется выбором собеседника: Другой как отражённое Я (Я в другом), или, по Э. Гуссерлю, Другой как отличный от меня (Другой во мне). По мнению А. Ухтомского, существует еще два типа адресатов: Я-Двойник и Я-Собеседник: «Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получает впервые собеседника. Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику. Собеседник же, то есть лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас» [3, с. 252]. Тем самым, адресант сам формирует адресатный план своих посланий, а фигура Другого может быть не единична, поскольку письмо может быть предназначено как для семейного, так и для дружеского прочтения.

Полифункциональность частного письма в XVIII–XIX вв. обусловлена отсутствием единого коммуникативного пространства. Единый эпистолярный сценарий, предполагавший в качестве обязательных формул приветствия, пожелания, а также высказывания «о погоде, здоровье, хозяйстве», не препятствовал включению весьма пространственных размышлений об исторических, политических или литературных событиях, сопровождаемых зачастую развёрнутыми философскими комментариями. Данный факт позволяет определить текст частного письма как «отражение отражения». Отражая некий событийный ряд, автор отражает в виде эмоциональной реакции на эти события самого себя – Я, вступая в диалог Другим – Собеседником. Частное послание реализует также мифологический потенциал ввиду актуализации в нём мифологемы памяти: описывая живое настоящее, автор письма превращает его в источник

воспоминания. Такой вектор осмысления текста письма позволяет утверждать значимость прошлого, которое к тому же наделяется мифологическими чертами.

Утрачивая в культуре Нового времени обязательность двусторонней коммуникативной направленности, частное письмо перемещается из приватной сферы в публичную и становится образом интеллектуального чтения и общения. В современном мире эпистолярная культура вновь трансформируется: некогда самостоятельный жанр текстового послания заменяется знаком. Гуманитарная парадигма неоднозначно определяет феномены *знак* и *символ*: отечественная традиция интерпретации и европейская школа семиотики трактует знак как язык культуры; функции знака состоят в кодификации и дифференциации, что обуславливает его статичность и неизменность в определённый временной период. Однако знак обладает важной способностью «обрастать» контекстом (знаковой системой), причём характеристики этой системы заданы временными и пространственными координатами. Семиозис в структуре культуры может развиваться лишь до определённых этой структурой пределов. Как только пределы нарушены, изменяются форма и характер смыслообразования: знак утрачивает собственные дифференциальные признаки, превращаясь в понятие, символ, образ или аллегория.

Таким образом, письма могут быть исследованы на нескольких уровнях: на знаковом, семиотическом, поверхностном и на символическом, декодируемом только в историческом контексте. Условность и случайность связи между означающим и формой его выражения диктует стереотипизированность этой формы и закрепление её традицией, что детерминирует возможность моделирования заданного смысла в знаке. Этим аспектом обусловлена относительная лёгкость декодирования знаковых формул и сценариев, в отличие от символических моделей, не имеющих устойчивого семиотического наполнения. Опыт социологических наук позволяет также оценить письмо с позиций наличия целого ряда опорных теоретических оппозиций: в частности, в общей социологии это оппозиции микро- и макроуровней, индивидуального и коллективного, приватного и публичного, личного и общественного. Именно благодаря значимым символам облегчается представление о последствиях поведения индивида с точки зрения других, а также адаптация к ожиданиям этих других. Взаимодействие людей невозможно без интерпретирования значений действий и намерений других, которое предстаёт как «принятие роли». Процесс принятия роли предполагает, что индивид путём воображения ставит себя на место человека, с которым осуществляется общение. Через принятие роли индивиды развивают «самость», то есть способность людей представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли, что обеспечивает превращение внешнего социального контроля в самоконтроль. В этом смысле частное послание всегда является своеобразным обменом символами, что предполагает чёткое распределение социальных ролей: адресат (получатель) – адресант (отправитель). Письмо при этом выступает и как символ, и как определённый жест – поступок.

Продуцирование текстов предполагает не простое их самовоспроизведение, но актуализацию коммуникативных целей и интенций продуцента, чья роль в процессе текстообразования очень велика: наличие различных способов при достижении одних и тех же целей, коррелирующих с типами личности, позволяет говорить о коммуникативных стратегиях воздействия на реципиента. Вербальная коммуникация в письменно закреплённой форме, в которой язык «освобождается от процесса говорения» [2, с. 453], соотносит письмо с немногочисленными способами реализации целей и намерений коммуникантов, в которых доминирующим является непосредственное воздействие на адресата. Письмо объединяет признаки письменной и устной форм речи, что создаёт возможность осуществлять стремление коммуникантов к достижению высокого уровня диалогичности в условиях ограниченности использования средств выражения. Кроме того, стратегическая деятельность адресата и адресанта частного письма осуществляется в координатах игрового пространства.

Частное письмо по своим характеристикам наиболее приближено к устной бытовой коммуникации, что было замечено ещё в Античности: эпистолярные теории

того времени квалифицировали письма как «половину диалога», то есть диалог без собеседника, в котором, тем не менее, присутствие адресата не просто предполагается, но и реально обосновывается. Межличностная коммуникация, частным случаем которой является письмо, представляет собой прототип коммуникации вообще, поэтому коммуникативные стратегии, которые используются в частной переписке, являются некоей проекцией общих законов коммуникации, а интегральным признаком стратегий участников переписки является сближение, предполагающее формирование и расширение совместного контекста интерпретации.

Как лингвокультурный феномен письмо представляет собой форму письменной речи, которая требует дополнительных знаний в области знакового воплощения устного высказывания в буквенно-письменный текст, то есть принципов моделирования такого текста в соответствии с целеполаганием конкретной личности, с одной стороны, и с традициями конкретной культуры, с другой. Письменный текст кодифицирован в строгих правилах, которые обусловлены его фиксацией на бумаге, возможностью консервации информации в течение длительного времени. Тем самым, тщательный выбор средств выражения, соблюдение грамматических правил и традиционных формальных и содержательных признаков, присущих конкретной лингвокультуре, актуализируется в деятельности коммуникантов.

Проблемы изучения эпистолярного текста связаны с нечёткостью его функционально-стилистической квалификации. Например, критерий направления и материала исследования диктует следующие аспекты изучения письма:

- 1) «синтез» различных функциональных стилей (художественного, научного, официально-делового, публицистического);
- 2) переписка соотносится с понятием жанра как разновидности того или иного функционального стиля;
- 3) письменная форма бытовой речи;
- 4) самостоятельный функциональный стиль.

Более убедительными, на наш взгляд, являются первые три точки зрения. Особенности условий общения в различных сферах деятельности людей обуславливают возникновение и развитие функциональных стилей. Под сферой общественной деятельности понимается область деятельности людей, соотносимая с определённой формой общественного сознания: наукой, искусством, политикой, правом. Сфера использования языка диктует свои требования к нему, на этой основе вырабатывается совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания языковых средств, объединяемых в конкретный функциональный стиль. Тот факт, что функциональные стили соотносятся со сферами общественной деятельности, обуславливает тематическую ограниченность стиля в зависимости от поля функционирования. Целесообразно квалифицировать письмо как единицу эпистолярного жанра, обладающего собственной спецификой, которая реализуется, прежде всего, в её репрезентации во всех функциональных стилях. Очевидно, что письма составляют значительный корпус текстов официально-делового стиля, немало их и в составе произведений публицистического стиля – особенно в периоды крупных национальных и социальных событий (война, революция, политический кризис); широко известны также научные послания (затрагивающие вопросы философии, политической экономики, истории, естественных и точных наук) выдающихся мыслителей и учёных всех времен и народов; эпистолярный роман – роман в форме писем – занял прочное место в истории художественной литературы. Таким образом, как тип текста письмо обнаруживается в рамках всех функциональных стилей, соответствуя в каждом из них его основным параметрам компонентами своей формально-содержательной структуры.

Антропоцентричность языка эксплицируется, прежде всего, в универсальной для всех языков предназначенности для человека и ориентированной на него языковой категоризации объектов и явлений внешнего мира. При этом различные лингвокультуры обладают этноспецификой, реализующейся в различных сферах коммуникации. Так, стратегия сближения, играющая важную роль в частной переписке, определяется личностными особенностями коммуникантов, однако ввиду их принадлеж-

ности к определённой лингвокультуре эксплицирует также определенные национальные стереотипы. Таким образом, диалектика личного и общественного, национального представляет собой основу квалификации частной переписки как лингвокультурного феномена. В жанре частного письма стратегии сближения реализуются на фоне сближения интенций коммуникантов. Обязательным признаком частного письма является совмещение стратегий и интенций адресанта и адресата, что обуславливает создание семантического пространства контекста совместной интерпретации корреспондентов.

Культурный контекст формирует пресуппозиции и прецедентность, которые оказывают влияние на написание и интерпретацию частного письма каждым из участников эпистолярной коммуникации. Конкретные формы актуализации этого культурного контекста детерминированы ценностными установками, характеризующими данную культуру. Так, английское частное письмо предполагает наличие двух типов языковой личности, участвующих в коммуникации: ведущего и ведомого, которым соответствуют стратегия иллюкутивного вынуждения, с одной стороны, и стратегия иллюкутивного приспособления, с другой.

Прецедентный фон и пресуппозиции, которые создают координаты продуцирования и интерпретации частного письма, включают в себя знания и представления, формирование которых обусловлено культурным контекстом обоих коммуникантов и ситуативным контекстом, в котором разворачивается дискурс переписки. Сталкиваясь с ограничениями, заданными в мире адресата, адресант обязан осмысливать наиболее действенную стратегию письма, которая обусловлена спецификой ситуации и самого адресата.

Разобщенность коммуникантов в пространственно-временном отношении диктует адресанту необходимость проспективного осмысления рецептивной ситуации письма адресатом, при этом интенция автора частного послания может быть реализована только в момент чтения письма другим участником эпистолярной коммуникации. В частном письме фактически сосуществуют возможные миры коммуникантов, при этом сближение обусловлено лингвистическими и экстралингвистическими факторами, детерминирующими статус лингвокультурного феномена частной переписки.

Лингвокультурный аспект изучения коммуникативных ситуаций в целом и ситуации частной переписки, в частности, определяет новый ракурс изучения этой проблемной сферы. Очевидно, что процесс типологизации коммуникативных ситуаций осложнен наличием ряда дифференциальных признаков лингвокультур, поэтому типы коммуникативных ситуаций в принципе не могут быть универсальными. Коммуникативная норма в одной культуре вовсе не является таковой в другой. Коммуникативная специфика различных лингвокультур определена стереотипами сознания, релевантными для каждой лингвокультуры. Способы смыслообразования предстают в этой связи как разноуровневые рефлексивные акты. Таким образом, лингвокультурный феномен частной переписки реализуется в координатах специфичных для той или иной лингвокультуры рефлексивных норм, определяющих смыслообразование. Так, этикетные формулы и вводно-контактные единицы реализуют фатическую (коннативную) функцию, являясь обязательными для любого письма, фиксируют и сохраняют определённый уровень межличностных отношений в плане коммуникативно-прагматической организации текста. Все письма характеризуются наличием фактической интенции, однако в частной переписке она оказывает влияние на композиционно-речевую структуру и вербализацию.

Языковая личность адресанта является неким центром, аккумулирующим специфику эпистолярных текстов, при этом изучение разноуровневых лингвокультурных компетенций этой личности обладает наибольшим эвристическим потенциалом применительно к частной переписке как объекту, в сфере которого могут быть подвергнуты адекватному анализу и интерпретации различные уровни проявления языковой личности: эмоциональный, прагматический, информативный и др. В рамках современной лингвистической парадигмы интерес к изучению особенностей частной переписки обусловлен тем, что письма в наибольшей степени приближены к ситуации непринуж-

дённного общения, что позволяет изучать прагматический потенциал текстов этого типа, в частности, в пределах нескольких параметров: объективный и субъективный характер языкового и практического знания и опыта коммуникантов, прецедентные знания, целеполагание и реализация целей, система социальных факторов, обуславливающих особенности частной переписки, актуальная ситуация коммуникации.

Список литературы

1. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Р. Барт. – Москва : Ad Marginem, 2012. – 224 с.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы филос. Герменевтики : пер. с нем. / Г. Г. Гадамер / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Ухтомский А. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях / А. А. Ухтомский ; отв. ред. А. С. Батуев. – Санкт-Петербург : Петербургский писатель, 1996. – 528 с.

References

1. Bart R. Rolan Bart o Rolane Barte. – Moscow, Ad Marginem, 2012. – 224 p.
2. Gadamer G.-G. Istina i metod. Osnovy filos. Germenevtiki / obsch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. – Moscow, Progress, 1988. – 704 p.
3. Uhtomskij A. A. Intuicija sovesti. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na poljah / otv. red. A. S. Batuev. – St. Petersburg, Peterburgskij pisatel', 1996. – 528 p.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДИАЛЕКТНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере лексики Астраханского края)

Зварыкина Ирина Станиславовна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aszl105788@yandex.ru.

Статья посвящена проблеме разграничения диалектных и региональных языковых явлений. Цель работы – изучить вопрос о соотношении диалектного и регионального на примере лексики Астраханского края. В работе обосновывается мысль о том, что в современной языковой ситуации уместнее вести речь о региональных, а не о диалектных языковых явлениях. Результаты исследования могут быть применимы в теории языкознания и лингвистическом краеведении.

Ключевые слова: диалект, региолект, региональный язык, просторечие, диалектизм, регионализм

TO THE QUESTION ABOUT THE CORRELATION OF DIALECTAL AND REGIONAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE (on example of the lexicon of Astrakhan Region)

Zvarykina Irina S., post-graduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatishchev st., e-mail: aszl105788@yandex.ru.

The article deals with the distinguish between dialect and regional linguistic phenomena. The aim of the research is to study the question of the relationship between dialect and regional on the example of the lexicon of Astrakhan region. The paper proves the idea that in the modern language situation more appropriately to talk about the regional, instead of about the dialect language phenomena. The results of the work may be used both in linguistic theory, and linguistic regional study.

Keywords: dialect, regiolect, regional language, common speech, dialectism, regionalism